

Документы РГАСПИ по истории национальной политики и межнациональных отношений в Крыму в годы революций и Гражданской войны (1917–1921 гг.)

Полиэтнический и многоконфессиональный характер населения Крыма является важной особенностью региона, издревле определяющей специфику его исторического и культурного развития. Заметный отпечаток национальный вопрос наложил и на ход исторических событий в Крыму в период революций 1917 г. и Гражданской войны. Взлёт и падение крымско-татарского национального движения, попытки украинизации Черноморского флота и подчинения Крыма «самостийными» украинскими режимами, инициативы внешних сил (от оккупационных режимов до Турции) по разыгрыванию национальной «карты», татаро-греческое противостояние, широко распространенный антисемитизм, – таков далеко неполный перечень событий и факторов, определявших ситуацию серьезного этнокультурного напряжения в регионе в 1917–1921 гг.

Неудивительно, что вопросы национальной политики и межнациональных отношений в той или иной степени затрагивались практически всеми исследователями истории Крыма указан-

ного периода, начиная с первых публикаций, подготовленных непосредственными участниками событий. Среди них статьи Ю.П. Гавена, И.К. Фирдевса и др., опубликованные в истпартовских сборниках «Революция в Крыму»¹. Национальному вопросу уделено большое внимание в общих трудах М.Ф. Бунегина, П.Н. Надинского, Л.И. Волошинова, А.Г. Зарубина, В.Г. Зарубина². Теме татарского национального движения посвящены работы В. Елагина и А.К. Бочагова³. В последние десятилетия национальные аспекты гражданского противостояния в Крыму в 1917–1921 гг. получили широкое отражение в статьях и монографиях А.Р. Вяткина, С.Е. Громова, В.Г. Зарубина, С.М. Исхакова, А.С. Кручинина, Ю.Н. Лаптева, С.А. Усова и др.⁴.

За длительный период научного исследования истории Крыма революционных лет сложился определенный канон используемых источников по теме. Он включает в себя документы крымских архивов (ГАРК и др.), федеральных российских (ГАРФ, РГВА и др.) и украинских (ЦДАГОУ, ЦДАВОУ) архивов; публикации доку-

ментов советского периода (важнейшие из которых представлены публикациями А.И. Гукковского в журнале «Красный архив», сборниками «Борьба за Советскую власть в Крыму», «Ревкомы Крыма», «Севастополю 200 лет» и т.д.)⁵ и новейшего времени (публикации М.Н. Губогло, С.М. Червонной, А.В. Ефимова, Р.Н. Белокурова и др.)⁶; материалы крымской периодической печати («Голос татар», «Крым», «Миллет», «Таврический голос», «Южные ведомости» и пр.); документы личного происхождения (мемуары и дневники «белых», «красных», представителей крымско-татарского национального движения) и художественные произведения (М.А. Волошин, И.С. Шмелев, С.Н. Сергеев-Ценский и др.). Из документальных публикаций последних лет особо следует отметить составленный С.М. Исхаковым сборник документов «Гражданская война в России и мусульмане»⁷ и публикации воспоминаний П.С. Бобровского, В.Д. Набокова и др., осуществленные А.С. Пученковым⁸.

Источники Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), касающиеся истории Крыма 1917-1921 гг. и роли национального фактора в ней, частично введены в научный оборот. Некоторые из них были опубликованы в многотомных изданиях «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями», «Борьба за Советскую власть в Крыму», «Из истории гражданской войны», сборниках работ В.И. Ленина, Д.И. Ульянова и т.д. Более 30 переводов материалов крымско-татарской периодики 1918-1920 гг., хранящихся в РГАСПИ, вошло в упомянутый сборник С.М. Исхакова. Кроме того, документы РГАСПИ использовались советскими (П.Н. Надинский, Л.И. Волошинов и др.) и современными историками (С.Е. Громов, С.А. Усов, Г. Дюфо, М.Ю. Крапивенцев, М.В. Владимирский и др.). Тем не менее, говорить об исчерпанности информационного потенциала фондов РГАСПИ по теме, очевидно, преждевременно. Это объясняется целым рядом объективных обстоятельств: от существенных ограничений в советский период на допуск к документам РГАСПИ, бывшего Центрального партийного архива (ЦПА), до положения Крыма (и соответственно крымских историков), являвшегося в 1991-2014 гг. частью другого государства.

Документальные свидетельства, затрагивающие тему национального фактора в истории Кры-

ма 1917-1921 гг., отложились в различных фондах архива, важнейшим из которых является фонд ЦК КПСС (Ф. 17), а именно входящие в его состав описи ЦК РСДРП(б) (Оп. 1а), Политбюро ЦК (Оп. 3), Информационного отдела ЦК (Оп. 6), Организационно-инструкторского отдела ЦК (Оп. 11-13), Общего отдела ЦК (Оп. 65), Бюро Секретариата ЦК (Оп. 84), Оргбюро и Секретариата ЦК (Оп. 112) и коллекции документов по вопросам обороны Советской республики и военного строительства (Оп. 109). Среди документов фонда преобладает переписка ЦК с местными парторганизациями (Таврический губком, Крымский обком, Закордонный отдел ЦК КП(б)У, Симферопольский комитет и т.д.), протоколы заседаний партийных органов и документация справочно-отчетного характера (информационные сводки, рапорты, обзоры) отделов центральных и местных парторганизаций. Важная информация содержится среди документов Секретариата В.И. Ленина (Ф. 5), партии Поалей-Цион (Ф. 272), Центрального бюро агитации и пропаганды среди тюркских народов при ЦК (Ф. 583), личных фондов И.В. Сталина (Ф. 558), А.М. Коллонтай (Ф. 134).

Большой массив материалов по истории гражданской войны в Крыму отложился в фондах сектора истории гражданской войны Института марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК КПСС (Ф. 71. Оп. 33-35), Истпартодела ЦК (Ф. 70. Оп. 3) и редакции журнала «Пролетарская революция» (Ф. 72. Оп. 3). Из них особую значимость представляют материалы, собранные Секретариатом главной редакции многотомной «Истории гражданской войны». Это переписка и организационно-распорядительная документация (положения, циркуляры, резолюции, протоколы заседаний) местных парторганизаций, правительств и военных органов «белых», разведсводки и агентурные сведения «красных» и «белых», авторские рукописи, хроники событий и т.д. Важным источником по истории крымско-татарского национального движения и его взаимодействия с политическими и военными режимами, контролировавшими Крым, и другими этническими группами, являются отложившиеся в материалах Секретариата «Истории гражданской войны» выдержки из крымских газет за 1917-1920 гг. Большая их часть представлена переводами из крымско-татарских газет «Голос татар», «Миллет», «Крым мусульманлары садасы». Многие

материалы поступили в ИМЛ в 1930-е гг. из Центрального архивного управления Крымской АССР в виде заверенных копий; часть подлинников, в связи с гибелью Крымского архива Октябрьской революции в годы Великой Отечественной войны, оказалась утраченной.

Специфической чертой, отличающей источники РГАСПИ (поскольку ведущим фондообразователем архива в советское время выступал аппарат ЦК), является преобладание среди них документов большевистской партии. Источники личного происхождения по преимуществу также оставлены большевиками. В хронологическом отношении доминируют материалы, датирующиеся периодом с весны 1919 г., что, видимо, объясняется заметным увеличением документооборота в связи с созданием по решению состоявшегося в марте 1919 г. VIII съезда РКП(б) многочисленных отделов в составе Секретариата ЦК (Общего, Организационно-инструкторского и пр.).

Несмотря на распыленность и указанную специфику документной базы РГАСПИ, в целом следует высоко оценить её репрезентативность для исследований по теме национальной политики и межэтнических взаимоотношений в Крыму. В первую очередь, это относится к источникам по истории национального движения крымских татар, национальной политике большевиков в Крымской ССР (апрель-июнь 1919 г.), взаимоотношениям большевиков с национальными группами в Крыму в период нелегальной работы (июнь 1919 – ноябрь 1920 гг.) и после победы над П.Н. Врангелем, национальной политике «белых».

Атмосферу подъема крымско-татарского национального движения 1917 г. и революционного брожения в татарской среде хорошо передают «Очерки о рабочем движении татар в Крыму, в частности в гор. Симферополе» С.А. Абдуллаева (Амеле). Документ представляет собой беллетризованные мемуарные зарисовки очевидца событий 1917 года, который начинался со споров в кофейнях и завершился вооруженным столкновением татар-эскадронцев и их союзников с большевиками⁹. Характеристики видных представителей татарского движения, взаимоотношения «правых» и «левых» внутри национального лагеря, деятельность татар-социалистов, усилия С.А. Абдуллаева и его едино-

мысленников по организации татарских профсоюзов составляют содержание «Очерков...», написанных в 1930-х гг. Большой интерес представляют переводы архивных материалов Евпаторийского союза татарской молодежи (май-сентябрь 1917 г.), который был создан «с целью подъема и прогрессирования ее (молодежи) в духе национализма», принятия мер к охране здоровья молодежи, ознакомления с политическими вопросами и борьбы против сторонников старого правительства¹⁰. Копии документов мусульманского комитета Евпаторийского уезда (октябрь-декабрь 1917 г.) содержат информацию о ходе выборов в Учредительное собрание и национальный Курултай¹¹. В материалах крымской периодики 1917–1918 гг. подробно освещена деятельность крымско-татарских органов власти, Курултая и Директории, показана германофильская ориентация части курултаевцев во главе с Д. Сейдаметом, взаимоотношения татар с краевыми правительствами М.А. Сулькевича и С.С. Крыма¹².

Взгляд с другой стороны на тему представлен в сохранившихся в РГАСПИ копиях писем за 1917–1918 гг., адресованных богатому крымскому землевладельцу князю Ф.Ф. Юсупову. В письмах одного из корреспондентов Ф.Ф. Юсупова, управляющего его имением в Коккозах Н. Грекова, живописуется картина выживания пожилого человека во враждебном окружении. В письме от 15 апреля 1917 г. Н. Греков сетует на свое незнание виноделия, по причине чего он не может быть управляющим в Кореизе, где «много поселений русских людей и нет того возбуждения, как в Коккозах... Здесь, нисколько не стесняясь, говорят, что на войну никто не пойдет, что Вильгельм скоро заберет Петроград и Москву, а Крым и Кавказ отдаст туркам. Русские пусть убираются, куда хотят»¹³. Месяцем позже Н. Греков сообщал, что татары «начали меня изводить материальными убытками и, главным образом, разрушили мой арыкбаш, окончательно изрубив дорогостоящие желоба... Естественно, что сад мой, лишенный воды, обречен на гибель и с этим вместе и я теряю всякую надежду на будущее; кроме того, вода, нужная мне и в доме для разных надобностей, не может быть взята, так как татары не только разрушили все, но и строго воспретили кому бы то ни было исправлять, угрожая насилиями»¹⁴.

Революционные события 1917 г. в Крыму способствовали росту национального самосознания не только татарского населения. Важным фактором этнополитического развития в регионе становится украинский национализм. В воспоминаниях матроса-большевика В. Риша (записаны в 1930 г.) нашли отражение темы подъема украинского движения и украинизации Черноморского флота в 1917 г. «Одним из основоположников и вождей украинского движения, несомненно, по природе своей реакционного, являлся прапорщик Величка, личность весьма сомнительная, необычайно изворотливая и хитрая. У меня складывалось впечатление, что Величка, несомненно, реакционер, но это не мешало ему, в целях более полного осуществления своей политики, иногда выступать с левыми и даже большевистскими лозунгами». Если верить В. Ришу, именно он в качестве делегата от матросов крейсерской бригады улаживал вопрос со спуском украинского флага, поднятого в ноябре 1917 г. экипажем крейсера «Память Меркурия», что вызвало уход с судна неукраинской части состава. Украинофильское движение, по словам В. Риша, «вызвало и другие реакционные процессы. Нашлась группа темных дельцов, возглавляемая штабс-капитаном Севастьяновым, которая стала проповедовать идею так называемого «вечевого колокола», ставившая перед собой задачу объединения всей неукраинской части флота. Группой этой созывался ряд собраний на кораблях, было проведено одно собрание в Морском собрании». В. Риш присутствовал на втором собрании, созванном для выработки декларации, где в числе прочих матросов-большевиков выступил резко против объединения матросов и офицеров в «вечевом колоколе». Выступления их были поддержаны матросской аудиторией, которая «кричала, что золотопогонной братии не удастся во флоте создать враждующие группы украинцев и великороссов»; как следствие, идея «вечевого колокола» дальнейшего распространения не получила¹⁵.

Картину этнокультурного развития Крыма в период революций 1917 г. дополняет сохранившаяся в архиве переписка Симферопольского комитета Еврейской социал-демократической рабочей партии (Поалей-Цион) с ЦК партии за 1917–1918 гг., где обсуждаются вопросы агитационно-пропагандистской работы и взаимо-

отношений с другими национальными и социалистическими организациями. Атмосфера подъема федералистских настроений лета-осени 1917 г. наглядно передана в письмах лидера крымских поалей-ционистов А.Б. Иткина. В конце сентября – начале октября 1917 г. он питал надежды на совместное участие с татарами в выборах в Учредительное собрание. «Ведем серьезные переговоры с татарами, у которых чрез 2 дня губ[ернский] съезд представителей комитетов... Мы предложили им предоставить нам второе место (двух, безусловно, можно «провести» в Учред[ительное] Собр[ание]), указав, что нами, вероятно, будет выдвинута кандидатура тов. Борохова (...), блестящего защитника идеи федерации, и что Крыму, вообще говоря, следует дать не столько татар, сколько талантливых, ярких фигур, которые бы защищали интересы национальных меньшинств в Учред[ительном] Собр[ании]. Повторяю, имею значительные шансы на проведение этого проекта»¹⁶. В этом же письме от 30 сентября 1917 г. любопытны соображения А.Б. Иткина о политических настроениях татарских лидеров накануне открытия II Крымско-татарского мусульманского съезда, где было принято решение о созыве курултая: «Зная татар вообще и руководителей комитета, могу сказать, что они мечтают о «территориальной федерации», кажется, не в достаточной мере уясняя существо «террит[ориальной] федер[ации]». Наш товарищ убеждал их организовать нечто вроде совещательного органа, с привлечением всех национальностей, для прокламирования известных положений, но отнюдь не заниматься «картой Крыма» и объявлением «самочинного Учред[ительного] Собр[ания]». Во всяком случае, о них можно сказать, что идею федерации, как таковую, они усвоили хорошо»¹⁷. Идея блока поалей-ционистов с татарами провалилась; в письме в ЦК от 20 октября 1917 г. А.Б. Иткин констатировал, что «татары решили ни с кем не блокироваться. Даже на списках не хотят блокироваться. До этой мудрой мысли привел их шовинистический угар, который они сейчас переживают»¹⁸.

Обширное количество документов в фондах РГАСПИ оставил после себя кратковременный период второго пришествия большевиков в Крым в апреле-июне 1919 г. Большевики, учтя свой неудачный опыт руководства националь-

ной политикой в регионе в начале 1918 г., сделали ставку на всемерную поддержку нацменьшинств. В отчете о работе Крымского обкома РКП(б) от 3 июня 1919 г. сообщалось, что ««при мусульманском бюро ОК¹⁹ организована элементарная (опытная) школа. При ОК существуют мусульманская секция, армянская, немецкая и через короткое время намечается образование еврейской. Мусульманская работает интенсивно (...). Издается турецкая газета «Прямой путь» и газета на татарском языке, изданы несколько десятков тысяч экземпляров брошюр на турецком, азербайджанском и татарском языках. В уездах работает 10 агитаторов-татар. Армянская секция проявила себя слабо, но работы среди армян в Крыму много. Скоро выйдет в свет армянская газета. Немецкая секция недавно организована и работает энергично. Ведется агитация за вступление в Красную Армию. На днях выйдет первый № газеты «Ди-велт коммуне»²⁰. Все организации мучительно переживают финансовый голод»²¹. А.М. Коллонтай, исполнявшая в крымском правительстве функции наркома пропаганды, писала, что «население около Ялты уважает наших партийцев. Много сделано для беднейшего татарского населения, и было трогательно видеть, с каким доверием татарские женщины с их живописными головными уборами и огромным количеством мелких косичек несут своих детей в амбулаторию при областкоме, спрашивают совета у партийных товарищей, чем питать младенцев и пр. Они еще путают партийное учреждение с отделением нашего Наркомздрава. Но доверие тут к нам полное, и настроение хорошее»²². Большевики, которые отмечали заинтересованность и симпатии со стороны представителей нацменьшинств (как, например, говоря об «огромном интересе»²³ немцев-колонистов к их деятельности), очевидно, несколько преувеличивали уровень лояльности национальных групп к советской власти, и в то же время были недалеко от истины.

Нормализации отношений большевиков и татар в указанный период способствовал и тот факт, что проведение национальной политики было доверено коммунистам татарского происхождения во главе с наркомом И.К. Фирдевсом. Активно участвовала в налаживании контактов с татарами и группа турецких коммунистов (М. Субхи, С. Лутфи, А. Неждат, С. Юсуф и др.). Следует от-

метить, что тема участия турецких коммунистов в проведении национальной политики в Крыму в период существования Крымской ССР далеко не в полной мере освещена в литературе, равно как и действия советских эмиссаров, использовавших Крым в качестве обращенного в сторону Турции плацдарма для распространения революционных идей. В одном из сохранившихся в архиве докладов М. Субхи подчеркивается, что инициатива отправки его в Крым принадлежала И.В. Сталину²⁴, и подробно характеризуется деятельность турков в регионе, особенности их отношений с различными течениями татарского национально-демократического движения и меры по установлению связей с Малой Азией (нелегальные торговые отношения, пересылка литературы, отправка коммунистов в Турцию). М. Субхи высоко оценивал значение опыта национальной политики в рамках Крымской ССР в 1919 г., благодаря чему «не желающие ничего знать о большевизме, относящиеся к нему безразлично, крымские татары приобрели «политический цвет» и «начали сознавать классовую борьбу». Немалым был, по словам лидера турецких коммунистов, и резонанс от большевистской политики по ту сторону Черного моря: «наша работа в Крыму отзывалась за морем так, как будто бы Крым представлял собой лишь одну из губерний Турции»²⁵. О популярности в Турции издаваемых в Крыму татарских коммунистических газет сообщал в ЦК РКП(б) Ю.П. Гавен, ссылаясь на рассказы турецких контрабандистов²⁶.

Позитивный опыт политики коммунистов в отношении нацменьшинств сказался на их последующих взаимоотношениях, когда большевикам пришлось перейти на нелегальное положение. После повторного занятия Крыма «белыми» в июне 1919 г. на полуострове для ведения агитационно-пропагандистской работы остается часть татарских коммунистов. Подробный доклад о подпольной работе в Крыму в 1919–1920 гг. оставил сотрудник Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока С. Сюнчелей, работавший в период КССР вместе с М. Субхи. Руководя небольшой группой татар-агитаторов, он был арестован «белой» контрразведкой и едва не казнен (помог подпорщик-татарин), после чего укрылся в сельской местности, «в своем уезде сеял революционно-коммунистические идеи, настраивал народ про-

тив Деникина... Влияние имел большое. Ко мне примыкала и работала среди татар по моим указаниям почти вся интеллигенция уезда. Добровольных тружеников, особенно среди татарского учительства, было много... Правда, и обстоятельства сложились в нашу пользу и облегчили наш труд. Татары объявили фактический бойкот власти белых, отказали им в солдатах»²⁷.

Настроения татарского населения, в массе своей негативно или (в лучшем случае) индифферентно относившегося к «белым» и при А.И. Деникине, и при П.Н. Врангеле, сыграли определенную роль в поражении последних. Постоянную «головную боль» руководителей «белого» движения составляла затронутая С. Сунчелеем тема мобилизации населения Крыма в армию. Попытки мобилизации успеха не имели, массовый характер приобрело дезертирство, что вызывало репрессии со стороны властей. Как писал один из турецких коммунистов, подпольно работавший в Крыму летом-осенью 1919 г., после «неудачной попытки мобилизовать татар, краевое правительство произвело внезапный обыск в Курултае (...), закрыло его, арестовав видных членов его, как, например, Хататова, Сеид Дуселана и др., кроме того, в целом ряде деревень расстреляло много татар, которые открыто высказывались против этой мобилизации»²⁸. К чему приводили подобные репрессии, демонстрирует объяснительная записка пристава государственной стражи Евпатории В.Н. Головина своему начальству от 21 июля 1920 г. Речь в документе шла о дезертирах из числа татар, проживающих в Кучук-Узенской волости Ялтинского уезда. «Под влиянием ли агитации националистов-курултайцев, большевиков или др[угая] причина, население волости было не совсем благожелательно настроено по отношению к Д[обровольческой] армии и это особенно ярко выражалось в сплошном нежелании молодежи (при благосклонном сочувствии стариков) идти по объявленным мобилизациям в войска». Из деревни Искют, сообщал В.Н. Головин, не поступило ни одного солдата ни в стражу, ни в войска, поскольку сход постановил приговор «не дать ни одного солдата до тех пор, пока не восстановят Директорию»²⁹. Уклонявшиеся от мобилизации и бежавшие из рядов «белой» армии составляли основной контингент «зеленого» движения, приобретшего в Крыму в 1920 г.

массовый характер. По сведениям информаторов Закордонного отдела ЦК КП(б)У (сентябрь 1920 г.) наиболее многочисленными группами среди «зеленых» являлись дезертиры белых и татарская молодежь горных и лесных деревень. «Отряды эти сохраняют самую тесную связь со своими деревнями... Население снабжает их продовольствием»³⁰. Этот же источник сообщал, что единственной национальной группой, не избежавшей мобилизации, были немцы, что подтверждают и другие документы. Значительная часть колонистов относилась к середнякам или к зажиточным крестьянам, и прохладно относилась к большевикам с их уравнилельской политикой. В документах Осведомительного бюро Отдела пропаганды при Главнокомандующем вооруженными силами юга России (февраль-март 1919 г.), где отмечаются неудачи мобилизационных кампаний среди татарского или русского населения, фиксируется, что «охотнее всего идут и больше всего дали солдат немецкие колонии»³¹. Сообщалось, что «немцы-колонисты Крыма формируют партизанские отряды для борьбы с большевиками на Перекопском фронте»³². Впрочем, к концу гражданской войны ситуация изменилась: сказывались усталость от многолетней кровопролитной борьбы, неверие в успех «белого» дела и, наконец, память об уравнилельной политике «красных» в апреле-июне 1919 г. Информацию о настроениях крымских немцев под занавес эпохи П.Н. Врангеля содержит доклад большевика Опершалья (октябрь 1920 г.), пересланный из Закордота ЦК КП(б)У в ЦК РКП(б). «Немецкие колонисты в Крыму, – писал Опершаль, – распадаются на две группы: неимущих (десятников) и собственников. Неимущие сплошь на стороне Советской власти. «Колонисты» в большинстве держатся нейтрально»³³.

Интерес представляют источники РГАСПИ, касающиеся еврейского вопроса в истории Крыма 1917–1921 гг. В материалах архива сохранилось значительное количество данных о масштабах антисемитских настроений в Крыму в период гражданской войны. Что примечательно, немалая их доля приходится на свидетельства о юдофобии среди «красных» и, в первую очередь, в рядах армии П.Е. Дыбенко. В письме наркома внутренних дел Крымской ССР Ю.П. Гавена в Москву 27 мая 1919 г. отмечалось «силь-

ное влияние григорьевщины и махновщины на армию Дыбенко. Прилагаем все усилия, чтобы парализовать погромное настроение, которое, к сожалению, поддерживается командирами-партизанами (вернее бандитами) и некоторыми агентами штаба. Все же надеемся на ближайшее будущее повстанческую армию Дыбенко превратить в регулярную»³⁴. Политработник 1-й Заднепровской дивизии сообщал в ЦК, что отдельные бригады дивизии «настроены были бандитски, говорить о коммуне здесь не приходилось, назначенцев не признавали, коммунистов расстреливали. Лозунг был у них таков: «Бей жидов, гони комиссаров, спасай революцию»³⁵. Конкретные случаи грабежей и убийств приводятся в письмах партийцев, наблюдавших за действиями солдат армии Дыбенко. В докладе Х.А. Черноусова-Иванова в ЦК от 31 мая 1919 г. говорилось, что с приходом красных «от погромов и убийств Крым не избавился, в Севастополе убит 21 человек», а в Симферополе «под предлогом обыска был устроен грабеж в ста тридцати домах [и] производились аресты за то, что жид»³⁶. Член Крымобкома М. Шустер, который представил в ЦК 12 июня 1919 г. обстоятельный доклад о положении в Крыму с момента вступления советских войск, прямо называл части Дыбенко «не красной, а черносотенной» армией. «Лозунг «бей жидов, комиссаров и коммунистов» находит себе достойное количество последователей в рядах Красной Армии... В Симферополе... часов в 7 утра один из небогатых районов города (преимущественно еврейский) был окружен отрядом красноармейцев, которые забрали все, что понравится»³⁷. Мало чем в этом смысле отличались от красноармейцев и «белые». О юдофобских настроениях и погромной агитации во врангелевском Крыму неоднократно сообщается в донесениях советских агентов, но ими же отмечаются факты отсутствия погромов и противодействия властей оголтелому антисемитизму. Характерный пример – сводка о ситуации в Крыму бюро печати при полпредстве РСФСР в Грузии, составленная по информации посетивших бюро студента С. Гинзбурга и писателя Э. Редина, выехавших из Феодосии 5 августа 1920 г.: «Несмотря на благоприятное попечительство правительства, антисемитский «Союз русских национальных общин» не мог найти в Крыму многих последователей... Жидоедство как будто

бы уменьшилось. «Русская Правда» даже была закрыта Врангелем за погромные статьи... Евреев в прифронтовой полосе по-прежнему выбрасывают из вагонов. Погромов не было. Сведения о феодосийском и о симферопольском погромах ложны»³⁸.

Победа «красных» в ноябре 1920 г. и окончательное утверждение большевистской власти в целом были лояльно встречены национальными меньшинствами Крыма. Информационные сводки Крымобкома в ЦК РКП(б) в первые недели после победы над П.Н. Врангелем фиксируют «хорошее» отношение татар к советской власти, «дружелюбный» настрой немцев-колонистов и отсутствие «враждебности» во взаимоотношениях национальных групп³⁹. Агитационно-пропагандистская и просветительская работа коммунистов среди нацменьшинств и активное привлечение представителей последних в советские органы управления создают благоприятные предпосылки для стабилизации национальных отношений в Крыму. Тем не менее, говорить о полной их нормализации в красном Крыму конца 1920–1921 гг. не приходится. Как сообщалось в сводке Крымобкома от 16 декабря 1920 г., «настроение населения (в Феодосийском уезде – Е.Г.) к совласти, ввиду репрессий по отношению ко всем служившим в белой армии, также на почве продовольственного кризиса и недостатка денежных знаков из сочувственного переходит в подавленное и недовольное»⁴⁰. В Ялтинском уезде, где население состояло по большей части из татар, отношение «к Советской власти среднее. Вызвано возбуждение произведенными Особотделом арестами и расстрелами»⁴¹. Недовольство вызывали и репрессии против татар из числа «зеленых». Сложившие оружие и амнистированные повстанцы зачастую вновь оказывались в руках чрезвычайных органов, что приводило к повторному уходу в горы и продолжению вооруженной борьбы. Как справедливо заметил председатель полномочной комиссии ВЦИК, СНК и ЦК РКП(б) по Крыму Ш.Н. Ибрагимов, «движение зеленых создали наши ошибки»⁴². Политика «красного террора», противоречивый характер взаимоотношений большевиков с «зелеными», где амнистии и переговоры перемежались арестами и расстрелами, сильно ударивший по татарскому населению голод 1921–1923 гг. и другие факторы заложили основу для имевшего националь-

ный окрас противостояния, которое продолжалось вплоть до середины 1920-х гг.

Таким образом, документы и материалы РГА-СПИ охватывают различные аспекты проблем, связанных с изучением национальной политики и межнациональных отношений в Крыму в 1917–1921 гг., и ощутимо расширяют информационную базу знаний по указанной теме. Специфика фондов архива, в которых собрана документация

важнейших структурных подразделений РКП(б) за период революций и гражданской войны, позволяет рассматривать документы РГАСПИ, во-первых, как важнейший источник по теме национальной политики большевиков в Крыму, и во-вторых, за счет продуктов активной агентурной работы коммунистов, в качестве ценного материала по истории взаимоотношений народов Крыма с антибольшевистскими силами.

- ¹ Гавен Ю.П. Октябрь в Крыму // Революция в Крыму. Вып. 1. Симф., 1922. С. 5-24; Он же. Борьба большевистского подполья за Советский Крым // Революция в Крыму. Вып. 9. Симф., 1930. С. 5-53; Фирдевс И.К. Первый период Советской власти в Крыму // Революция в Крыму. Вып. 2. Симф., 1923. С. 57-68 и др.
- ² Бунегин М.Ф. Революция и Гражданская война в Крыму (1917-1920 гг.). Симф., 1927; Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. Ч. 1-2. Симф., 1951-1957; Волошинов Л.И. Октябрь в Крыму и Северной Таврии. Симф., 1960; Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симф., 2008.
- ³ Елагин В. Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы // Новый Восток. 1923. № 5. С. 190-216; 1924. № 6. С. 205-225; Бочагов А.К. Милли-Фирка. Национальная контрреволюция в Крыму. Симф., 1930.
- ⁴ Вяткин А.Р. Попытка восстановления крымскотатарской государственности: исторические уроки событий 1917-1918 годов // Этнический национализм и государственное строительство. М., 2001. С. 68-96; Громов С.Е. К вопросу о деятельности ряда национальных партий и организаций в Крыму в период гражданской войны // Ученые записки Симферопольского государственного университета. 1998. № 6. С. 54-63; Зарубин В.Г. Межнациональные отношения, национальные партии и организации в Крыму (начало XX в. – 1921 г.) // Сборник Русского исторического общества. Т. 10 (158). М., 2006. С. 230-262; Исхаков С.М. Борьба за Крым и татары (1917-1920 гг.) // Альманах Ассоциации исследователей гражданской войны в России. Вып. 2. Архангельск, 2015. С. 16-25; Кручинин А.С. Крымско-татарские формирования в Добровольческой армии. М., 1999; Лаптев Ю.Н. Революция и гражданская война (1917-1920 гг.) в судьбе немецкого населения Крыма // Немцы в Крыму. Симф., 2000. С. 72-87; Пученков А.С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 г. Очерки политической истории. СПб., 2013; Усов С.А. Проблема Черноморского флота и Севастополя в условиях распада Российской империи и СССР. Севаст., 2003; Хаяли Р.И. Очерки истории общественно-политической и культурной жизни крымских татар в XX веке. Симф., 2008 и др.
- ⁵ Крымское Краевое правительство в 1918/19 г. Публ. А.И. Гуковский // Красный архив. 1927. Т. 3; Крым в 1918-1919 гг. (Материалы осведомительных органов Добровольческой армии и дипломатического представителя Всеволодского Войска Донского). Публ. А.И. Гуковский // Красный архив. 1928. Т. 3 (28), 4 (29); Борьба за Советскую власть в Крыму: Документы и материалы. Т. 1-2. Симф., 1957-1961; Ревкомы Крыма: Сб. док. и мат. Симф., 1968; Севастополю 200 лет. 1783-1983. Сб. док. и мат. Киев, 1983.
- ⁶ Губогло М.Н., Червонная С.М. Крымскотатарское национальное движение. Т. 2. М., 1992; Ефимов А.В., Белоглазов Р.Н. «Изыскать пути к парализованию...» Документы карательных органов Вооруженных сил Юга России и Крымской АССР о крымско-татарском движении (1920-1923) // Москва – Крым. Вып. 4. М., 2002. С. 138-164.
- ⁷ Гражданская война в России и мусульмане. Сб. док. и мат. Сост. С.М. Исхаков. М., 2014.
- ⁸ Второе крымское правительство. Воспоминания бывшего члена правительства П.С. Бобровского // Пученков А.С. Указ. соч. С. 295-330; Набоков В.Д. Крым в 1918/19 гг. Публ. А.С. Пученков // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 221-257.
- ⁹ Главы 1-13 «Очерков...» // РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 972. Главы 14-15 (без указаний автора и названия, в ряду других материалов) // Там же. Д. 952. Л. 126-145.
- ¹⁰ Там же. Ф. 71. Оп. 35. Д. 951. Л. 35-40.
- ¹¹ Там же. Л. 63-69.
- ¹² Там же. Ф. 71. Оп. 33. Д. 1528, 1529. См. также: Там же. Ф. 71. Оп. 35. Д. 952-954.
- ¹³ Ф. 71. Оп. 35. Д. 951. Л. 101.
- ¹⁴ Там же. Л. 102.

- ¹⁵ Там же. Ф. 72. Оп. 3. Д. 576. Л. 31-32.
- ¹⁶ Там же. Ф. 272. Оп. 1. Д. 392. Л. 2об.
- ¹⁷ Там же. Л. 3об.
- ¹⁸ Там же. Л. 13.
- ¹⁹ ОК – обком.
- ²⁰ Сверху приписка карандашом: «Вышло 3 №».
- ²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 139. Л. 18.
- ²² Там же. Ф. 134. Оп. 4. Д. 24. Л. 54.
- ²³ Там же. Ф. 71. Оп. 35. Д. 997. Л. 145.
- ²⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 31. Л. 17. Сохранилась переписка секретаря бюро Крымобкома, члена Мусульманского бюро при Крымобкоме Шульмана с Центральным бюро мусульманских коммунистических организаций и Наркомнацем за март-апрель 1919 г., где Шульман неоднократно поднимает вопрос о срочной присылке М. Субхи, С. Лутфи и др., см.: Там же. Ф. 583. Оп. 1. Д. 115. Л. 22-25.
- ²⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 31. Л. 17.
- ²⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 4. Д. 43. Л. 8. См. также: Там же. Ф. 17. Оп. 65. Д. 73. Л. 70-71; Ф. 17. Оп. 6. Д. 139. Л. 19.
- ²⁷ Там же. Ф. 17. Оп. 12. Д. 277. Л. 80.
- ²⁸ Там же. Ф. 17. Оп. 6. Д. 267. Л. 36.
- ²⁹ Там же. Ф. 71. Оп. 35. Д. 956. Л. 87.
- ³⁰ Там же. Ф. 17. Оп. 12. Д. 277. Л. 87об-88.
- ³¹ Там же. Ф. 71. Оп. 35. Д. 955. Л. 11.
- ³² Там же. Д. 982. Л. 66, 134.
- ³³ Там же. Ф. 17. Оп. 12. Д. 277. Л. 91.
- ³⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 4. Д. 43. Л. 8.
- ³⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 6. Д. 139. Л. 26.
- ³⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 65. Д. 73. Л. 59-60, 61об.
- ³⁷ Там же. Л. 67.
- ³⁸ Там же. Ф. 17. Оп. 12. Д. 278. Л. 22, 23. См. также доклад агента о положении в Крыму, переправленный председателю РВС Юго-Западного фронта И.С. Сталину [ранее 16 августа 1920 г.]: Там же. Ф. 17. Оп. 109. Д. 242. Л. 2-2об.
- ³⁹ См.: Там же. Ф. 17. Оп. 12. Д. 277. Л. 33об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 43.
- ⁴¹ Там же. Л. 44об.
- ⁴² Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5633. Л. 2об. См. также: Там же. Л. 1-7об; Там же. Ф. 17. Оп. 109. Д. 2. Л. 20.

